

УДК 930.2(47.24)

DOI: 10.34680/978-5-89896-734-5/2020.NHB.05

Е. А. Рыбина, Л. В. Покровская, В. К. Сингх,
А. М. Степанов, Е. А. Тянина

**УСАДЬБА «Ж» В ЛЮДИНОМ КОНЦЕ
СРЕДНЕВЕКОВОГО НОВГОРОДА
(ОПЫТ КОМПЛЕКСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)***

Аннотация. В статье дан общий обзор комплексного анализа материалов усадьбы Ж, исследованной в Людином конце средневекового Новгорода на Троицком раскопе. Рассмотрена планировочная структура и застройка усадьбы, а также синхронные каждому периоду вещевые комплексы в период с 30-х гг. X до конца XIV вв. Наиболее подробно представлены материалы, связанные с жизнью усадьбы в XII в. Это время наивысшего расцвета данного дворовладения. В результате комплексного анализа всего материала, в том числе текстов берестяных грамот, удалось получить подробную картину развития усадьбы, её изменений на протяжении пяти столетий. В частности, удалось установить, что владельцы усадьбы в XII в. имели высокий социальный статус и, вероятно, были связаны с боярским родом Мирошкиничей.

Ключевые слова: средневековый Новгород, Людин конец, Троицкий раскоп, хронология, усадьбы, берестяные грамоты, вещевая коллекция.

Abstract. This article provides a general review of a comprehensive study of the materials from the Zh, estate explored at the Lyudin End of medieval Novgorod at the Troitsky excavation site. The structure planning and building development of the estate, as well as house-ware complexes synchronous to each period starting from the 30s of 10th century to the end of the 14th century, are studied. The materials related to the life of the estate residents in the 12th century are presented in detail. This period is the time of the highest heyday of this household. Comprehensive studies of all materials, including the texts of birch-bark letters, helped to establish a detailed picture of the development

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-09-00373, «Археологические исследования Людина конца средневекового Новгорода»).

of the estate, changes occurred during the period of five centuries. It was possible, particularly, to establish that the owners of the estate in the 12th century had a high social status and were probably associated with the Miroshkinichi boyar family.

Keywords: medieval Novgorod, Lyudin End, Troitsky excavation site, chronology, estates, birch-bark letters, collection of finds.

Городские усадьбы (дворы) являются основной градообразующей единицей города и поэтому их исследование имеет большое значение для полноценной реконструкции средневекового города. При отсутствии письменных свидетельств об усадьбах Древней Руси основным источником становятся археологические материалы. Городские средневековые усадьбы впервые были открыты и изучены при раскопках Новгорода во время работ на Неревском раскопе (1951–1962 гг.), где был вскрыт целый квартал средневекового города.

В. Л. Янин первым обозначил комплексный подход к изучению усадеб в научно-популярной книге «Я послал тебе бересту...» (Янин, 1965). В ней он на основе топографии берестяных грамот, находок, некоторых построек и комплексного анализа этих компонентов выделил посадничьи усадьбы XIV–XV вв. Однако систематического изучения усадеб Новгорода в 1960-е–1970-е гг. не проводилось. Лишь сенсационное открытие в конце 1970-х гг. на Троицком раскопе в слое второй половины XII в. усадьбы новгородского художника Олисея Гречина (усадьба А) стало предметом отдельной публикации (Колчин и др., 1981).

В последние десятилетия отдельные усадьбы Троицкого раскопа были темой дипломных работ студентов кафедры археологии МГУ М. И. Петрова, М. В. Петуховой, О. Л. Кубиковой. Кроме того, были полностью изучены усадьбы X в., открытые на Неревском раскопе в 1951–1962 гг. (Гринев, 2019).

До сих пор нет исследований по полностью раскопанным усадьбам для всего периода их существования. Полноценное комплексное изучение городских усадеб является в настоящее время актуальнейшей задачей новгородской археологии. В связи с этим нами была предпринята попытка изучения усадьбы Ж, находящейся в Людином конце и исследованной на Троицком раскопе на всем протяжении ее существования, т. е. с 30-х гг. X в. до рубежа XIV–XV вв.

Усадьба Ж Троицкого раскопа относится к комплексу дворовладений, расположенных к югу от Черницыной улицы и к западу от перекрестка Пробойной и Черницыной улиц. Территория усадьбы раскапывалась в течение многих лет, так как попала в площадь четырех раскопов. В 1984–1986 гг. на Троицком раскопе VII была исследована северная часть усадьбы. Ее основная площадь была раскрыта на Троицком раскопе XIII (2001–2009 гг.), дополнительных прирезках к Троицкому раскопу XIII (участки Г и Г1) в 2008–2014 гг. и на Троицком раскопе

XV (2013–2020). В результате этих работ площадь усадьбы Ж была изучена практически полностью, за исключением юго-западного сектора усадебного двора, который попадает на территорию частной застройки (только для второй половины XII в.). С течением времени площадь усадьбы менялась, то сокращаясь в размерах, то увеличиваясь.

Общая краткая характеристика истории усадьбы Ж опубликована в Вестнике РФФИ (Рыбина и др., 2019). Настоящая публикация содержит предварительную характеристику планировки, застройки, материальной культуры усадьбы, существовавшей в течение почти пяти столетий, которые разделены на хронологические периоды: X–XI вв., XII в., XIII–XV вв. Из них наиболее подробно будут рассмотрены материалы XII в., более других насыщенного берестяными грамотами, находками и крупными постройками. Для этого времени выделены отдельные строительные периоды, определены их хронологические границы, планировочная структура, характерная для каждого из ярусов застройки усадьбы Ж в указанный период.

Усадьба Ж в X–XI вв.

Освоение территории усадьбы Ж, как показали дендрохронологические даты построек первого яруса застройки, началось в 30-е гг. X в. В начальный период здесь существовало две усадьбы (Ж1 и Ж2), границы которых фиксируются по следам частокольных оград в материке. На протяжении всего раннего периода на обеих усадьбах преобладают пятистенные срубы, поставленные на фундаментных площадках, в том числе с отдельно прирубленными сенями. Характер застройки и вещевой комплекс X в. свидетельствуют о высоком социальном статусе переселенцев.

На рубеже X и XI вв. происходит смена усадебной застройки. В это время южная граница обеих усадеб смещается к югу на 6–8 м и сохраняется до конца XI в. В течение этого века менялись не только внешние границы усадеб. В 10-е гг. XI в. между двумя усадьбами исчезает частокол и усадьба становится единой. В конце 70-х гг. XI в. вновь наблюдается деление усадьбы на два комплекса. Это прослеживается по расположению построек на усадебном дворе, хотя частокол отсутствует.

Для X–XI вв. в застройке усадеб прослежено восемь сменяющих друг друга строительных ярусов, а также несколько горизонтов пожаров, полностью или частично уничтоживших усадебную застройку. Жилая зона локализуется в южной тыльной части усадебных дворов. По периметру усадьбы и вдоль Черницыной улицы располагались хозяйственные и производственные постройки. Центральная часть усадебного пространства, как правило, оставалась свободна от застройки, образуя внутренний двор, замощённый настилами и системой небольших переходов между постройками. В первые десятилетия XI в. в северо-восточной части усадьбы со стороны Черницыной улицы была устроена

огромная вымостка длиной 20 м, шириной 6 м, обозначающая въезд на усадьбу.

Вещевая коллекция, происходящая из слоев X–XI вв., насчитывает 2300 находок, ассортимент которых необычайно богат и разнообразен. Наряду с обычными бытовыми предметами, характеризующими повседневную жизнь средневековых новгородцев и их занятия, в составе коллекции немало редких и даже уникальных изделий (Янин и др., 2015).

Особый интерес вызывает комплекс предметов (около 20 экз.) скандинавского облика, обнаруженных в слое второй половины X – начала XI вв. В их числе костяная игральная шашка для игры *hnefatafl*, оселок-амулет, серебряный крест с позолотой, подвеска с тремя волютами, единственная в новгородской вещевой коллекции подвеска в форме рыбьей головы¹, поясные накладки в стиле Борре, пряжка с накладными деталями, фрагменты скорлупообразной фибулы и ножен меча. К этому же комплексу относятся также железный ключ с омеднением и шило (?) с массивной орнаментированной рукоятью. Все перечисленные изделия характерны для материковой Швеции и Готланда. Кроме того, аналогии многим из них обнаружены при раскопках в Старой Ладогге, Гнёздове и др. Количество скандинавских предметов на усадьбе Ж поражает. За все годы раскопок в Новгороде было обнаружено не более 20 отдельных скандинавских предметов, происходящих в основном с двух самых больших раскопов: Неревского (5 экз.) и Троицкого (13 экз.) (Рыбина, Хвощинская, 2010).

Значительную группу находок составляют свидетельства денежного обращения и торговли. Так, в слое X в. найдены дирхемы (14 экз.), милиарисий (редкая византийская монета) чеканки 931–944 гг., детали складных весов (4 экз.) и гирьки-разновесы (12 экз.). Концентрация единичных скандинавских изделий или их фрагментов на усадьбе Ж в совокупности с обилием гирек и деталей весов свидетельствует о том, что первопоселенцы, обосновавшиеся в этой части Людина конца, были вовлечены в международную торговлю Новгорода, когда его основными контрагентами были Норвегия, Швеция и Готланд.

Большой интерес для денежного обращения представляют также западноевропейские денарии XI в. (8 экз.) чеканки различных городов и правителей Саксонии и Фризии². Большинство монет изготовлено из низкопробного серебра или меди, что свидетельствует о «засорении» денежного обращения XI в. в Новгороде фальшивыми монетами.

О грамотности жителей при отсутствии берестяных грамот свидетельствуют два писала, книжные застёжки. Кроме того, особый интерес представляет найденный в слое второй половины XI в. обломок тазовой

¹ Благодарим Н. В. Ениосову за атрибуцию этого предмета и ссылку на аналогии.

² Благодарим П. Г. Гайдукова за определение монет.

кости животного, на одной стороне которой тщательно вырезаны кириллические буквы – Б, К, О, на другой – две глаголические буквы (М и И) под титлами (Михеев, Сингх, 2016). Это первая находка глаголической надписи, происходящая из раскопок Новгорода.

К числу редких предметов относятся: цельный комплект удил с инкрустированными псалиями, лука седла, наверхия детских игрушечных мечей, которые были точными копиями боевых мечей. Уникальной находкой является деревянный футляр на лезвие боевого топора (Каинов, Сингх, 2016).

В слое конца XI в. на территории усадьбы обнаружены две деревянные пломбы в форме цилиндров для запечатывания мешков с данью, на одном из которых вырезан знак – трикветра.

Уникальной является массивная деревянная конструкция, происходящая из слоя второй половины XI в., не имеющая аналогий в археологическом материале. На основании этнографических данных А. М. Гринев атрибутировал эту конструкцию как деталь повозки.

Все перечисленные находки из слоев X–XI вв. свидетельствуют о высоком социальном статусе владельцев этой усадьбы на протяжении длительного времени.

Усадьба Ж в XII в.

Всего для XII в. было выявлено пять строительных периодов (табл.)³. Для каждого строительного периода были выбраны и систематизированы относящиеся к данному периоду берестяные грамоты и вещевые комплексы. В слоях XII в. было найдено 95 берестяных грамот, которые четко делятся на две группы. Первая из них характеризует социальный статус и занятия владельцев и жителей усадьбы в 1117–1150 гг., вторая связана с жизнью усадьбы Ж во второй половине XII столетия. Вещевые комплексы XII в. также свидетельствуют о социальном статусе владельцев усадьбы, сферах деятельности и быте ее жителей. В целом в слоях XII в. на усадьбе Ж было найдено около шести тысяч индивидуальных находок.

Таблица. Строительные периоды усадьбы «Ж» в XII в.

Период	Ярус	Датировка	Застройка	Берестяные грамоты	Находки (общее кол-во)
I	14	1090-е – 1109 гг.	Основная жилая постройка – сруб XII-Г1-9		

³ Все датировки основаны на образцах, отобранных с исследуемых построек для дендрохронологического анализа. Дендрохронологический анализ выполнен ведущим научным сотрудником ЦОАИ НГОМЗ, канд. ист. наук О. А. Тарабардиной.

II	13	1109–1117 гг.	Застройка погибает в пожаре – от построек сохранились только фундаментные подкладки		более 2000 экз.
III	12	1117–1125 гг.	Основная жилая постройка – сруб XIII-Г-12	14 экз.	
IV	11	1125–1150 гг.	Основная жилая постройка – сруб XIII-Г-10	18 экз.	около 1000 экз.
V	10	1150–1190-е гг.	Основная жилая постройка – сруб XIII-Г-8	63 экз.	около 3000 экз.

Период I. Рубеж XI–XII вв. – 1109 г. (рис. 1)

На рубеже XI–XII вв. отчетливо фиксируется частокол, разделяющий исследуемую территорию на две усадьбы (Ж1 и Ж2). В это время на усадьбе Ж2 сохраняется планировочная структура застройки предыдущего яруса. На усадьбе Ж1, в ее тыльной части возводится большой сруб-пятистенок (XIII-Г1-9). Реконструируемые размеры сруба – 8,6×6,0 м. Печь располагалась в северо-западном углу жилой части. К северу вдоль сруба была устроена столбовая галерея (крыльцо), шириной 2 м. Вероятно, столбы галереи являлись опорным каркасом, поддерживающим выносную часть второго этажа. К востоку от него находился небольшой сруб (XIII-Г1-9), рубленный в обло, размерами 3,5×3,5 м. С севера от обеих построек располагался двор усадьбы. На нем зафиксированы остатки дворового мощения в виде лаг и подкладок в основном из березовых жердей.

В это время складывается усадебная планировка, характерная для застройки усадьбы Ж на протяжении всего XII в.

Период II. 1109–1117 гг.

В 1109 г. на усадьбе происходит перестройка, а через восемь лет все постройки этого периода (ярус 13) полностью сгорают в пожаре 1117 г., который фиксируется по мощной угольной прослойке, прослеженной практически на всей площади усадьбы. Этот пожар не зафиксирован в НПЛ, очевидно, по причине его локальности. Пятна застройки маркируют отдельно сохранившиеся обгоревшие фундаментные подкладки построек.

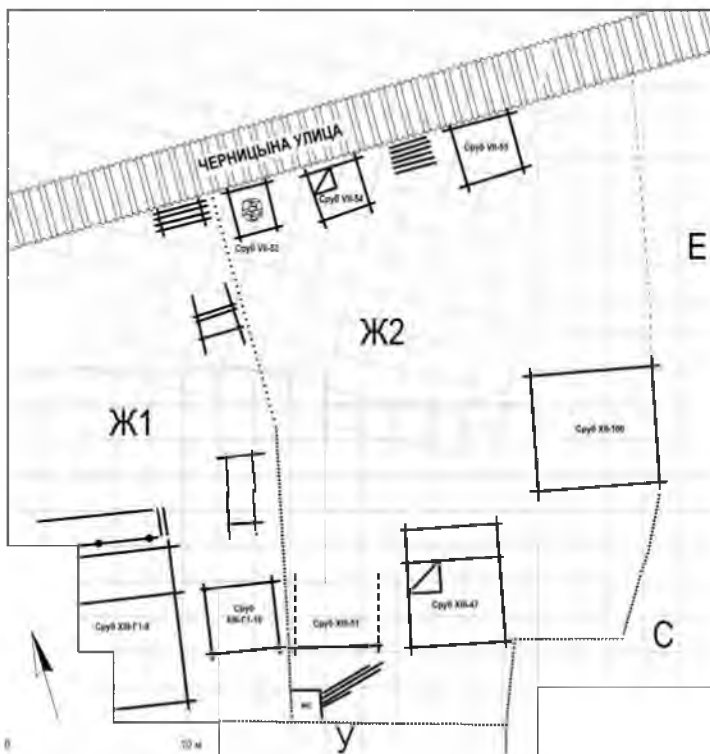

Рис. 1. Схема застройки усадьбы Ж периода I (рубеж XI–XII вв. – 1109 г.)

Период III. 1117–1125 гг. (рис. 2)

Сразу после пожара застройка усадьбы восстанавливается. К этому времени уже сложилась традиционная планировка двора, при которой основная жилая постройка располагалась вдоль центральной части тыльной границы усадьбы. Она представляла собой ориентированный по линии север–юг большой сруб-пятистенок размерами 8,5×6,0 м (сруб XIII-Г-12). Сруб рублен в обло из бревен диаметром 25–30 см. Западная, южная и пятая стены сруба сохранились на два венца, северная и восточная – на один. Между венцами стен сохранился мох. Под углы сруба были уложены поперечные подкладки из обрубков бревен, горбылей и свай частокола. Практически все подкладки несут на себе следы пожара, и, вероятно, использованы здесь вторично из элементов построек предыдущего, сгоревшего в пожаре яруса.

В сооружении выделяется две зоны – отапливаемая и неотапливаемая – сени. Печь располагалась в северо-западном углу жилой части сруба и фиксируется по сохранившемуся столбу опечка и характеру культурного слоя, состоящего из песка с включениями золы и угля.

Возможно, с севера к сеним сруба примыкала столбовая галерея, о чем свидетельствуют небольшие столбы с пазами.

В юго-восточном углу усадьбы, к востоку от основного жилого помещения, располагался еще один сруб-пятистенок (XIII-38), по своим размерным характеристикам практически повторял вышеописанную постройку. В нем также зафиксировано отопительное устройство, расположенное в северо-западном углу дома. Оба сруба являлись жилыми.

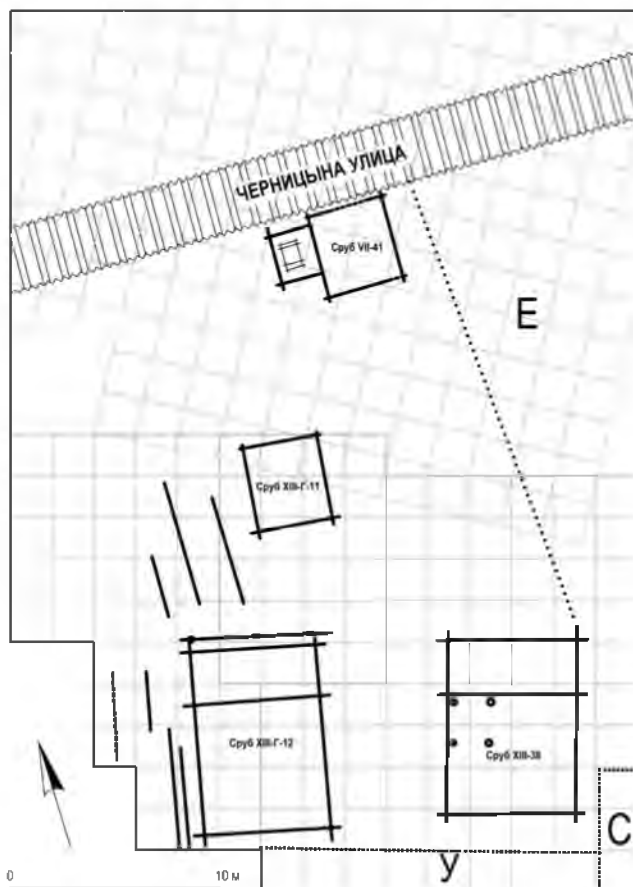

Рис. 2. Схема застройки усадьбы Ж периода III (1117–1125 гг.)

Кроме них на усадьбе располагались еще две хозяйственные постройки (срубы VII-49 и XIII-Г-11). Это небольшие однокамерные сооружения без отопительных устройств. Одно находилось в северо-восточной части усадьбы и примыкало непосредственно к мостовой Черницыной улицы, а второе располагалось в центре усадьбы, поблизости от одного из жилых срубов.

В первых трех периодах (первая четверть XII в.) из-за сильных пожаров рубежа XI–XII вв. и 1117 г. культурный слой, формировавшийся в это время, сильно перемешивался, происходило своеобразное

«пересечение» пластов. После пожара второго периода существенной перепланировки или сокращения размеров усадьбы не происходит. Поэтому считаем целесообразным рассматривать берестяные грамоты и находки этих периодов в комплексе.

Берестяные грамоты

В слоях первой четверти XII в. обнаружено 14 грамот, которые сосредоточены в строительном периоде III. В самых ранних грамотах этого периода (№№ 1049, 1050) упоминается некий Словято, который занят покупками и денежными расчетами. В целой и хорошо сохранившейся грамоте № 1050 речь идет о взимании долга посредством вызова отрока (судебного исполнителя). К концу первой четверти XII в. главными персонажами грамот становятся Лука, Сновид, Домка, Уйц (грамоты 1046, 1047, 1006, 1007, 1012), связанные торговыми делами. Автор двух писем (1006, 1012) Лука обращается к отцу с сообщением о доставке товара и необходимости расплатиться за него, пишет, что у него все в порядке. В одном письме он делает приписку Сновиду о том, что ждет гречника, т. е. купца с товаром из Византии. Домка и Уйц связаны со Сновидом денежными расчетами. В других грамотах, не содержащих имен, речь идет о стоимости разных предметов или их покупке. Несомненно, названные в грамотах персонажи составляли группу складников, которые совместно занималась торговлей.

Вещевые комплексы

Всего в слоях первой четверти XII в. обнаружено более двух тысяч индивидуальных находок. О высоком социальном статусе владельца усадьбы свидетельствуют печати, пломба для мешков с данью и другие предметы. В слое начала XII в. было найдено четыре печати, две из которых содержат изображение процветшего креста на одной стороне и святого – на другой. Одна печать принадлежала князю Всеволоду Мстиславовичу, правившему в Новгороде в 1117–1131 гг. Княжеская грамота, скрепленная этой печатью, возможно, даровала владельцу усадьбы какие-то права или полномочия. Здесь же была найдена деревянная пломба с надписью *Иване*. Представляет интерес и костяная бита для игры в бабки со знаком Рюриковичей.

Одной из основных сфер деятельности жителей усадьбы была торговля, о чем, наряду с грамотами, свидетельствуют многочисленные свинцовые товарные пломбы (29 экз.), находки массовых предметов южного импорта: обломки амфор (28), скорлупа грецкого ореха (56), обломки стеклянных сосудов (72). К числу последних относится и значительное количество обломков редких стеклянных сосудов с росписью.

Кроме того, очевидно, на усадьбе занимались ювелирным ремеслом, что подтверждается находками сырья и отходов ювелирного производства: пластины (15), проволока (8), золотая нить (бить), слитки (4), выплески (14), шлак (2), литейные формы (2) и обломки тиглей (2 экз.). Возможно, здесь, или на территории, расположенной в непосредственной

близости к усадьбе, изготавливали накладки и бляшки. На это указывает и серия находок (накладки и бляшки), отлитых по одному образцу.

Большой набор инструментов, в числе которых иглы (30 экз.), шилья (10 экз.), обломки топоров (4 экз.), ножницы, а также долото свидетельствует об активной производственной деятельности в первой четверти XII в.

К числу неперенных занятий средневековых горожан относится прядение и ткачество, что нашло отражение и в находках данной усадьбы. Здесь были найдены инструменты для подготовки льна к прядению: чесала (9), трепала (5), происходящие с территории двора или хозяйственных построек. Само прядение представлено находками веретен (7), пряслиц (76) и подставкой под прялку. К этой же группе предметов относится дощечка для плетения поясов. Найдены также две детали («собачки») горизонтального ткацкого станка.

Находка гончарного круга предполагает изготовление здесь керамики, хотя других свидетельств ее производства не обнаружено.

Традиционным занятием новгородцев были охота и рыболовство, что нашло отражение и в находках рассматриваемого периода. Рыболовный промысел представлен грузилами, поплавками, боталами, жерлицами, железными рыболовными крючками, охота – фрагментом лука и деревянными стрелами.

К деталям сухопутного транспорта относятся: копылы (23 экз.), санные полозья (4 экз.), тележная ось, оглобли (2 экз.) и костяная деталь упряжи. Из деталей водного транспорта найдены балансир весла и четыре уключины.

Мировоззренческие представления жителей усадьбы в первой четверти XII в. характеризуются значительным количеством культовых предметов, как христианских, так и языческих. Чрезвычайно разнообразны нательные кресты (12), из которых шесть относятся к рубежу XI–XII вв., т. е. самому началу первого строительного периода (Покровская и др., 2017). В слоях конца II – начала III периода найдено три нательных креста: с выемчатой эмалью, трехчастными концами и круглым средокрестием; обломок янтарного креста с криновидными концами, энколпион с простыми концами и крестом посередине. К этому же периоду относятся находки двух хоросов – деталей паникадила.

Также разнообразны и предметы языческих культов. В их числе амулеты (7) в виде топорика, привески-ножен, миниатюрной ложки, медвежьих клыков (3). Большинство культовых предметов найдены в зоне жилой застройки в слоях первого и второго периодов.

К группе предметов, обладающих сакральным значением, относятся зооморфные (7 экз.) и шаровидные навершия (3 экз.), антропоморфное навершие и деревянное скульптурное изображение руки со свитком. Семантика последнего предмета до сих пор неясна, не исключено, что такие изображения были символами власти.

Слабым отражением военных занятий являются три наконечника стрел и три обрывка кольчуги.

Кроме находок, связанных с основной деловой деятельностью жителей усадьбы, некоторые категории указывают на то, чем они занимались в свободное время. Прежде всего, это фрагменты музыкальных инструментов или приспособлений, издающих звуки. В их числе обломки гуслей, колок, брунчалка, деталь деревянной трещотки. Найдены также атрибуты подвижных игр, которыми могли заниматься как дети, так и взрослые. К ним относятся шары (5), кубари (4), детали кожаных мячей (7). Богат и разнообразен мир детских игрушек (31), среди которых детский лук, деревянный меч, два коника, игрушечная лодочка, игрушечное копьё, миниатюрный ковш, колесики (8 экз.).

Повседневный быт характеризуется разнообразными категориями предметов, среди которых ножи (74); посуда (ложки – 40 экз. и обломки различных сосудов – 29 экз., в том числе с остатками росписи, знаками и буквами); ключи и детали замков, кресало и др.

К предметам личной гигиены относятся костяные (22) и деревянные (2) гребни и копоушка. Многочисленна (около 80 экз.) и разнообразна коллекция ювелирных изделий из цветного металла, в составе которой трехбусинные височные кольца (2), бусины (8), привески (11), бубенчики (6), браслеты (7), перстни (9), булавки (2), накладки и бляшки (35).

В слоях первой четверти хорошо сохранились кожаные изделия (338 экз.), основу которых составляет обувь. В большом количестве найдены детали туфель (197) в том числе со следами вышивки, подошвы (80). Кроме того, найдены поршни (8) и детали сапог (15). Для реконструкции костюма представляет интерес обрывок ткани с узором из бронзовых спиралек. Характер орнамента и техника его изготовления свидетельствуют о несомненном финно-угорском происхождении этого обрывка одежды (Хвощинская, 1993).

Уникальной во всей вещевой коллекции Новгорода является двусторонняя деревянная фигурка кентавра со следами краски, обнаруженная в слое начала XII в. Фигурка раскрашена с двух сторон, поэтому, вряд ли она могла быть накладкой. Кроме того, видимо, кентавр был частью какой-то композиции, о чем свидетельствует слом на уровне груди. Аналогий пока не найдено и функциональное назначение этой фигурки неясно.

Период IV. 1125–1150 гг. (рис. 3)

Застройка усадьбы

Во второй четверти XII в. формируется новый ярус усадебной застройки, но планировка в целом сохраняется. В это время площадь усадьбы составляет около 840 кв. м. Основная жилая постройка по-прежнему представлена массивным рубленным в обло срубом-пятистенком размерами 11,2×8,3 м (сруб XIII-Г-10). Сруб ориентирован

по линии север–юг. Все его стены сохранились на два венца, между венцами обнаружен мох.

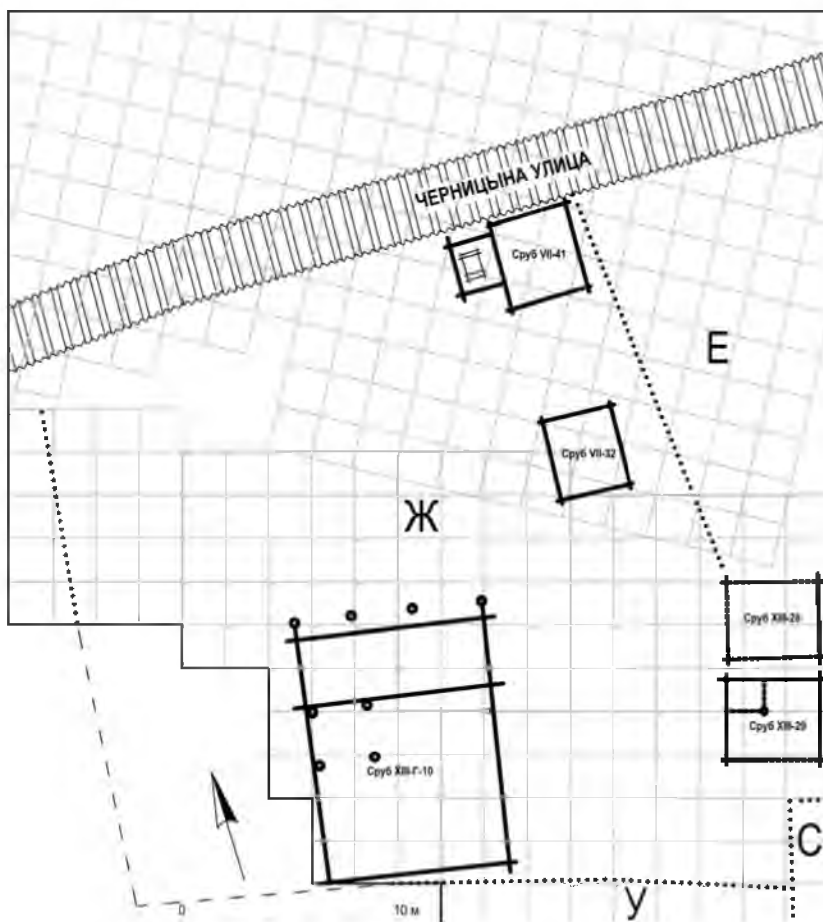

Рис. 3. Схема застройки усадьбы Ж периода IV (1125–1150 гг.)

В жилой части сруба был зафиксирован мощный развал каменной печи. При ее разрушении камни рассыпались по всей западной части сруба, а также часть развала перевалилась в сени. Среди камней находилось много фрагментов плинфы. У внутренней стены сруба удалось расчистить участок печи, где плинфа была поставлена на ребро. Вероятно, печь могла быть облицована кирпичом. Сама печь помещалась на мощном опечке, от которого сохранился юго-восточный дубовый столб. Реконструируемые размеры печи составляют $2,5 \times 2,5$ м. С севера, в торцах западной и восточной стены сруба располагалось два столба галереи, аналогичной сооружению XIII-Г-12, предыдущего яруса. На одной линии между ними зафиксированы две забутовки столбов. Сохранив-

шие столбы также имели пазы, в которых зафиксированы остатки балки. Вдоль восточной границы располагались две хозяйственные однокамерные постройки (срубы VII-32 и VII-49).

Берестяные грамоты

В слое второй четверти XII в. найдено 18 берестяных грамот, основными персонажами которых являются знакомые по предыдущему периоду Лука, Сновид и Домка, с которыми непосредственно связаны их компаньоны Иван и Микула. Основным автором писем был Лука, который постоянно писал отцу (грамоты №№ 999, 1004, 1005). Всего с учетом предыдущего периода им адресовано отцу пять писем, судя по содержанию которых он постоянно находился в разъездах, и сообщал отцу, как идут дела, какие товары куплены, давал указание, что делать с присланным товаром, какие финансовые расчеты необходимо произвести и т. д. В грамотах речь идет о торговле зерном, кожей, сковородами, о расчетах с покупателями, о поездках в Луки и о покупке там товаров. В них содержатся яркие примеры складничества и живые детали торговой деятельности.

Коль скоро все письма Луки, адресованные отцу, найдены на одной усадьбе, с большой долей вероятности можно предполагать, что ее владельцем (или одним из владельцев) в этот период был отец Луки, имя которого пока остается неизвестным.

Кроме Луки чаще других в берестяных текстах упоминается Сновид, который является и автором, и адресатом посланий. К нему обращается Лука со своими компаньонами. В одном случае (№ 1009) Лука с Иваном сообщают Сновиду, что у них все в порядке, что свой товар они продали, а вот греческого не купили. В другой грамоте (№ 1045) Лука с Микулой пишут Сновиду о том, что заволочской белки они не купили из-за ее дороговизны, а задержались из-за распутицы. В приписке к основному тексту Лука просит Сновида отдать Домке 14 кун. Это тот самый Домка, который, беспокоясь о своем долге, просил Сновида (грамота № 1047) найти его должника и взять у него две гривны.

Сам Сновид является автором одного письма (№ 1007), адресованного Суляте. К сожалению, из-за фрагментарности текста невозможно полностью восстановить содержание письма, но, очевидно, что оно тоже относится к переписке складников. Перечисленные в письме предметы, возможно, были товаром, который нужно было купить или продать.

Из всего комплекса рассмотренных грамот можно заключить, что отец Луки и, очевидно, Сновид постоянно находились в Новгороде, куда поступала подробная информация о торговых операциях, совершенных в тех или иных местах, об отправленных товарах, о состоянии дел (все ли в порядке). Лука, его отец, Сновид и Иван, судя по контексту грамот, находились в одной группе складников, и не исключено, что были родственниками. С этой группой лиц так или иначе были связаны Микула, Селята, Домка и Уец.

Тексты рассмотренных берестяных грамот свидетельствуют о том, что владелец/владельцы и жители усадьбы Ж во второй четверти XII в., как и в первой, вели активную широкомасштабную торговлю как в южном, так и в западном направлении.

В остальных, чаще всего обрывочных грамотах этого периода речь идет о финансовых операциях, денежных расчетах, долговых обязательствах, взыскании штрафов через суд. Эти сюжеты также непосредственным образом связаны с ведением торговли. Кроме грамот в слоях этого периода найдены и другие свидетельства грамотности: береста с буквой и железное писало.

Вещевые комплексы

В слоях второй четверти XII в. найдено около тысячи индивидуальных находок, что вдвое меньше, чем число находок предыдущего периода. Однако состав коллекции практически тот же, что и в первой четверти столетия.

Кроме берестяных грамот об активной торговой деятельности жителей усадьбы во второй четверти XII в. свидетельствуют и разнообразные находки. В это время возрастает число товарных пломб (33 экз.) и массовых предметов импорта: розовые шиферные пряслица (31 экз.), обломки амфор (58 экз.), обломки стеклянных сосудов (80 экз.), в том числе византийского происхождения, и скорлупа грецких орехов (15 экз.). Большое количество обломков стеклянных сосудов, в том числе византийских, прекрасно иллюстрирует текст берестяной грамоты № 1005, в которой Лука сообщает отцу, что из Лук (Великие Луки) в Новгород он отправил вино и 30 «стеклянниц», т. е. стеклянных сосудов. Вино в культурном слое исчезает бесследно, а вот от сосудов сохранилось немало обломков.

Ремесленная и промысловая деятельность в это время, напротив, заметно сокращается, что отражено в ассортименте и количестве находок, связанных с прядением и ткачеством, рыболовством и охотой. Следы ювелирного производства в виде сырья, отходов, литейных форм и пр. практически исчезают и резко сокращается количество ювелирных изделий. Становится значительно меньше универсальных инструментов (шила, иглы), которые тоже можно связывать с производственной деятельностью.

Быт усадьбы характеризуют находки разнообразной посуды: ложки (10), сосуды (4), ковши (3), в том числе с резным орнаментом, тарелки (2), чаша, крышка и уполовник. Кроме того, найдены ножи (32) и ключи (2).

Культовые предметы представлены нательными крестиками (6), в числе которых металлические (3), два янтарных и один каменный. Коллекция наворшений пополнилась новыми находками, среди которых пять зооморфных, два шаровидных и одно с изображением руки, держащей свиток.

Так же, как и прежде, разнообразны украшения и детали одежды из цветного металла (60): привески (10), перстни (2), подковообразная фибула с конусовидными головками (1), накладки (8), пряжка (1), пуговицы (8).

К предметам гигиены относятся семь костяных гребней и копоушка. Практически не изменился ассортимент кожаной обуви, в числе которой детали туфель (62), сапог (21), подошвы (49).

Мир досуга нашел отражение в атрибутах подвижных игр (кубари, шары, кожаные мячи). Среди детских игрушек – три напершия деревянных игрушечных мечей и пять деревянных колесиков, возможно, от игрушечных коников.

Период V. 1150 – 1190-е гг. (рис. 4)

Застройка усадьбы

В середине XII в. планиграфическая ситуация на данной территории заметно меняется. Граница усадьбы Ж смещается на значительное расстояние к западу, а ее площадь увеличивается до 1200 кв. м. Таким образом, площадь усадьбы Ж достигает максимальных размеров новгородских усадеб, зафиксированных на Неревском и Троицком раскопах. Как и в предыдущих ярусах, основная жилая постройка располагалась в центре тыльной части усадебного двора (сруб XIII-Г-8). Сооружение представляло собой большой сруб-пятистенок размерами 10×8,5 м, рубленный в обло из бревен диаметром 30–35 см.

В жилой части сруба был зафиксирован мощный развал каменной печи. При ее разрушении камни рассыпались по всей западной части сруба, а также часть развала перевалилась в сени. Среди камней встречено довольно много фрагментов плитины. Сама печь помещалась на крупном опечке из трех дубовых столбов, диаметром до 0,5 м, и одного сонового столба, расположенного в месте стыка западной и пятой стены.

С севера к сеням дома примыкала галерея на столбовой основе. Края галереи оформлены двумя рядами мощных столбов. В каждом ряду имелось по пять столбов, расположенных на различном расстоянии друг от друга. В каждом столбе были проделаны пазы, в которые вставлялись балки, на которые опирался настил галереи.

С запада, севера и востока к галерее подходило три крыльца (настила). За время существования дома (более 40 лет) подходы к нему перестраивались дважды.

В северо-западной части усадьбы располагался еще один сруб-пятистенок (XV-26), ориентированный по линии запад–восток, и примыкавший длинной стороной к мостовой Черницыной улицы (размеры 6×9 м). Внутри основного помещения зафиксирован развал камней и остатки пола из мощных плах. По-видимому, печь находилась в центре помещения, о чем свидетельствует столбовой опечек. Сооружения с центральным расположением печи обычно связаны с производствен-

ными сооружениями. Но поскольку никаких следов производства здесь не обнаружено, его можно отнести к поварне (кухне).

Еще две хозяйственные постройки располагались в северо-восточном углу усадьбы (сруб VII-41) и у северо-восточного края сруба XIII-Г-8 (XIII-Г-9).

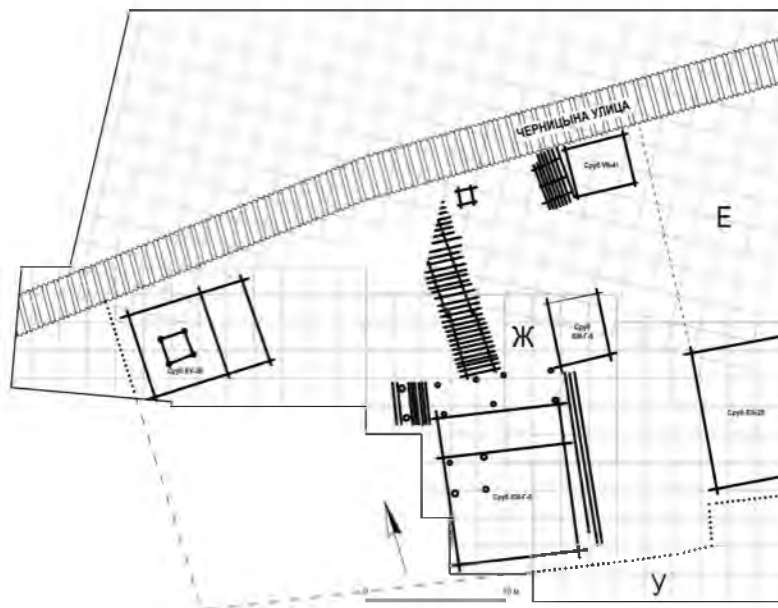

Рис. 4. Схема застройки усадьбы Ж периода V (1150–1190-е гг.)

Берестяные грамоты

В слоях этого периода найдено 63 берестяных грамоты. Их авторы и адресаты, а также упоминаемые в текстах персонажи никак не связаны с предыдущим периодом. Ни одно имя из грамот первой половины XII в. не повторяется в грамотах второй половины этого столетия. Большинство грамот этого периода (37 экз.) были написаны Якимом, автором двух писем (№№ 979, 989). Его авторство остальных грамот, не содержащих адресной формулы, надежно устанавливается по почерку и особенностям графико-орфографической системы письма. Подавляющее число грамот Якима являются деловыми записями, содержание которых свидетельствует о том, что Яким был управляющим крупным боярским хозяйством, вел записи об оплате пушнины (№ 1021), о количестве зерна и семян (№№ 1023, 1024, 1029/980, 1037), о поставке соли и т. д. Особый интерес представляет грамота № 1021, в которой указана огромная сумма в 89 гривен, уплаченная двумя феодалами за три тысячи сто беличьих шкурок, из чего следует, что одна беличья шкурка стоила около 0,7 куны. Предположительно, названный в грамоте Борис

был сыном будущего посадника Мирошки. В грамоте № 1023, содержащей перечисление различного зерна и семян, поражает количество ячменя в 500 мер. К сожалению, объем этой меры нам пока неизвестен.

Особую категорию грамот Якима составляют короткие однострочные записки, начинающиеся с указания стоимости тех или иных предметов, а иногда и без названия самого предмета. Всего таких записок найдено 9 экз. В них указывается стоимость 20 локтей водмола (домотканой шерстяной ткани), мешка, 6 пудов (очевидно, зерна) и т. д.

Судя по содержанию некоторых грамот, Яким имел отношение к церковным делам. Среди грамот, написанных его рукой, имеется собранная из четырех обрывков грамота № 977, в которой записаны начальные слова гласов воскресного тропаря на «Бог Господь». В нескольких уже упомянутых коротких записках указана стоимость различных предметов церковного и монастырского обихода. В их числе клобук – монашеский головной убор, лампадное масло, водмол – ткань для монашеской одежды, овчинка, а также пергамен и червленица (дорогая ткань для церковных одеяний). Вероятно, Яким, кроме управления боярским хозяйством, распоряжался монастырской казной и выдавал определенные суммы на необходимые для монастыря предметы.

Поскольку все деловые записи Якима и адресованные ему письма происходят из слоев второй половины XII в. усадьбы Ж, логично предположить, что он и проживал на этой усадьбе. Однако вряд ли был ее хозяином. Предположительно, владельцем усадьбы был один из сыновей знаменитого посадника конца XII в. Мирошки, хозяйством которого и управлял Яким. Ведь именно в этот период усадьба достигает максимальных размеров – 1200 кв. м.

С Якимом связано еще несколько грамот, из которых особый интерес представляет адресованное ему целое письмо № 1110 от Рошёны. Она поручает Якиме купить шубу и четыре воротника из драгоценной ткани, указывает, с кем отправить покупки и где взять деньги. Это письмо – дополнительное свидетельство того, что Яким находился на службе у богатого боярина, жена которого обращается к управляющему с поручением приобрести для нее дорогие вещи.

В остальных грамотах этого периода, сохранившихся большей частью в обрывках, содержится запись оброков в основном в виде зерна и денег, упоминаются денежные единицы и сообщаются сведения о торговых операциях, связанных с покупкой или продажей зерна, коней (продал, купил и т. д.). Одна грамота (№ 936) адресована Мирошке, к сожалению, сохранившаяся в обрывке.

К числу находок, связанных с письменностью, относятся два писала, одно из которых с инкрустацией, и cera, на торцевой стороне которой вырезан вертикальный ряд букв.

Вещевые комплексы

В слоях второй половины XII в. найдено около трех тысяч индивидуальных находок. Многие из них характеризуют владельца и жите-

лей усадьбы как состоятельных и влиятельных новгородцев. Одна только находка предметов конского снаряжения свидетельствует об исключительности его владельца. Речь идет об уникальном комплексе – деревянном седле и об украшавших его многочисленных костяных резных накладках (более 40) (Хорошев, 2004).

К числу находок, значимых для социального статуса дворовладельцев, относятся прежде всего печати. В слоях этого периода было найдено четыре печати, две из которых пока не атрибутированы ввиду плохой сохранности. Одна печать принадлежала князю Всеволоду Мстиславичу, княжившему в первой четверти XII столетия. Очевидно, документ, скрепленный этой печатью, ввиду его важности долго хранился в семье. Еще одна печать византийская с двусторонней греческой надписью. Высокий социальный статус владельца усадьбы подтверждает и плоская деревянная бирка с надписью *Устье Емци*, фиксирующая место сбора дани (Рыбина, 2020).

Деятельность владельцев усадьбы Ж по добыванию пушнины, зафиксированная в первой половине XII столетия, стала еще активнее, судя по содержанию берестяных грамот и большому количеству свинцовых товарных пломб (66 экз.), которыми запечатывались мешки с пушнинной. Все пломбы происходят из зоны жилой застройки, в том числе и из срубов. Косвенным свидетельством дальних поездок владельцев усадьбы на север является находка бронзовой шумящей привески арочной формы с гнездом для вставки, ближайшие аналогии которой происходят из Нижнего и Сургутского Приобья (Покровская, 2018).

Торговая деятельность в это время характеризуется большим количеством массовых предметов импорта как южного, так и западного направления: розовые шиферные пряслица (84 экз.), обломки амфор (399 экз.)⁴, скорлупа грецких орехов (34 экз.), стеклянные бусы (68 экз.) и фрагменты стеклянных сосудов (165 экз.), янтарь и янтарные изделия (44), цветные металлы (433) в виде сырья (проволока, пластины, выплески) и готовых изделий. Однако, в отличие от предыдущего периода, берестяные грамоты второй половины XII в. не содержат свидетельств о деятельности купцов-складников. Полагаем, что жители усадьбы Ж в это время скорее были потребителями предметов импорта, а не сами занимались торговлей.

В этот период на усадьбе возобновляется ювелирное производство, о чем свидетельствуют многочисленные находки: пластины (34), проволока (19), литник, выплески цветного металла (16), обломки тиглей (31), литейная форма для отливки грузиков и сами грузики (15). Ре-

⁴ Из нескольких обломков сложилась почти целая амфора, на ручке которой содержится надпись МИКИТИНА.

месленный и универсальный инструментарий представлен ножницами (6), шильями (5) резцом, долотом, сверлом, иглами (39).

Сохраняются и традиционные занятия средневековых новгородцев – прядение и ткачество, охота и рыболовство, что засвидетельствовано соответствующими находками.

Бытовая культура на усадьбе характеризуется привычным набором предметов. Это – посуда (33), в составе которой блюда, тарелка, ковш, крышки, ложки (17), ножи (44), кресала (4), замки и их детали (23), ключи (8), ножны и футляры из кожи, кошелек и многое другое.

Коллекция христианских древностей состоит в основном из настенных крестиков (14), среди которых особый интерес представляют янтарный крест с серебряными наконечниками (Ениосова и др., 2017) и энколпион. Уникальна находка целой бронзовой кадильницы с открытым верхом. Языческие верования нашли отражение в находках разнообразных амулетов: топорик, привеска-ножны, клык, коньки «смоленского» типа, лапчатые привески и полая птицевидная привеска прибалтийско-финского происхождения (Покровская, Тянина, 2018).

Среди украшений преобладают изделия из цветного металла: бусины (13), височные кольца (5), колты (2), привески (25), браслеты (10), перстни (26). Наряду с ними найдено золотое трехбусенное височное кольцо, что тоже свидетельствует о благосостоянии жителей усадьбы. Кроме металлических имеются украшения из стекла, в числе которых браслеты (45), бусы (65), и янтаря. Кроме украшений к ювелирным изделиям относятся детали одежды: накладки и бляшки (38), пряжки (6), пуговицы (39) бубенчики (27) и др.

Непременным атрибутом внешнего облика новгородцев была кожаная обувь, ассортимент которой разнообразен. В слое рассматриваемого периода найдены детали туфель (259), подошвы (159), голенища и задники сапог (49), поршни (4).

К предметам личной гигиены относятся двусторонние костяные гребни (27), копоушки (4) и бритва с костяной рукоятью.

О музыкальных занятиях жителей усадьбы свидетельствуют фрагмент гуслей, деталь струнодержателя и два колка.

Мир досуга представлен единственной шахматной фигуркой из моржового клыка и атрибутами подвижных игр. Среди детских игрушек – наверхие меча, кораблик, коник, колесики от других коников.

Усадьба «Ж» в XIII–XIV вв. (рис. 5)

На рубеже XII–XIII вв. площадь усадьбы сокращается, резко меняются характер застройки и состав находок, что, очевидно, связано со сменой владельца усадьбы Ж и ее перепланировки еще до пожара 1207 г., который связывается с разгромом усадеб семейства Мирошкиничей.

В застройке XIII и XIV вв. в основном преобладают небольшие четырехстенные срубы. По сравнению с XII веком происходит сущест-

венное обеднение вещевого комплекса. В основном преобладают бытовые вещи, характерные для большинства новгородских усадеб: железные замки и ключи, инструменты, ювелирные украшения, каменные грузила и оселки, двусторонние гребни, деревянная посуда, чекмари, детали саней, кожаной обуви и т. д. Самой массовой категорией находок являются стеклянные браслеты, которые надежно датируют эти напластования. Из ювелирных украшений отметим находку редких в новгородской вещевой коллекции двух карельских скорлупообразных фибул, сильная затертость орнамента которых свидетельствует об их длительном использовании.

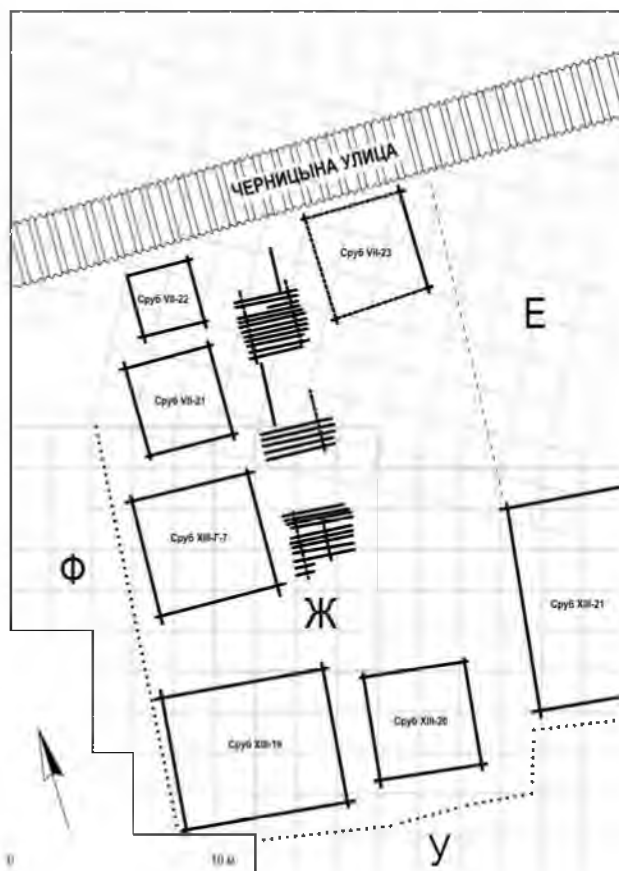

Рис. 5. Схема застройки усадьбы Ж на рубеже XII–XIII вв.

Разнообразие изделий из цветных металлов и их количество на сравнительно небольшой площади исследованного участка, вероятно, связано с наличием на усадьбе ювелирного производства. Об этом также свидетельствуют многочисленные фрагменты тиглей, выплески цветного металла, литейная форма и разнообразное сырье.

Другой производственный комплекс связан с косторезным ремеслом, который фиксируется по скоплению опиленных рогов лося и оленя. Здесь же найдены и двусторонние гребни, которые, вероятно, могли изготавливаться в данной мастерской.

Застройка обоих усадебных комплексов в XIII–XIV вв. представлена небольшими однокамерными срубам, расположенными преимущественно вдоль мостовой улицы. Среди них хлебная (уличная) печь. Прослежено несколько ярусов въездов на усадьбы. Открыт ряд срубов, сохранивших отопительное устройство, и, по всей видимости, являющихся жилыми.

В этих слоях обнаружены предметы, характеризующие повседневную жизнь и быт жителей усадеб. В составе коллекции – бытовые изделия, универсальные инструменты, детали замков, ключи, небольшое количество украшений и детали обуви. К числу редких для Новгорода изделий относится находка полой птицевидной привески с гребешком на голове и подвесками лапчатой формы, прикрепленными к тулову. Подобные привески и подвески в виде утиных лапок характерны для круга финно-угорских древностей.

Комплексный анализ напластований усадьбы Ж демонстрирует динамику ее развития на протяжении всего периода существования с 30-х гг. X в. до рубежа XIV–XV вв. Состав находок, происходящий из слоев X–XI вв., позволяет говорить об изначально высоком социальном статусе владельцев усадьбы. Застройка, берестяные грамоты, вещевая коллекция из напластований XII в. свидетельствуют о том, что в этом столетии усадьба достигла максимального расцвета. На рубеже XII–XIII вв. характер застройки, материальная культура на усадьбе резко меняются, что связано с изменением общей ситуации в северной части Людина конца.

Литература

Гринев А. М. Усадьбы Неревского конца средневекового Новгорода в X веке (по материалам Неревского раскопа): дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ, 2019.

Ениосова Н. В., Покровская Л. В., Степанов А. М. Янтарный крест с серебряными наконечниками с Троицкого раскопа XV // Новгород и Новгородская земля. История и археология: материалы науч. конф.; Новгородский музей-заповедник. Великий Новгород, 2017. Вып. 31. С. 150–153.

Каинов С. Ю., Сингх В. К. Деревянный чехол топора с Троицкого раскопа // Новгород и Новгородская земля. История и археология: материалы науч. конф.; Новгородский музей-заповедник. Великий Новгород, 2016. Вып. 30. С. 196–203.

Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л. Усадьба новгородского художника XII в. М.: Наука, 1981. 168 с.

Михеев С. М., Сингх В. К. Глаголические и кириллические буквы на кости второй половины XI века из Новгорода // Российская археология. 2016. № 1. С. 99–105.

Покровская Л. В. Шумящие привески с Троицкого раскопа // Археология Севера России: «Югра – Волость Новгорода Великого в XI–XV вв.» (Свод источников и исследований). Сургут-Нефтеюганск-Екатеринбург, 2018. Ч. 1. С. 266–273.

Покровская Л. В., Тянина Е. А. Полая птицевидная привеска с Троицкого XV раскопа (находка 2017 года) // Нескончаемое лето. Сборник статей в честь Елены Александровны Рыбиной; Новгородский музей-заповедник. М.; Великий Новгород, 2018. С. 186–188.

Покровская Л. В., Степанов А. М., Сингх В. К. Нательные кресты, крестовидные и крестовключенные привески XI – начала XII вв. (по материалам Троицких XIII и XIV раскопов) // В камне и в бронзе. Сборник статей в честь Анны Песковой. СПб.: ИИМК РАН, 2017. С. 467–474.

Рыбина Е. А., Хвощинская Н. В. Еще раз о скандинавских находках из раскопок Новгорода // Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рождения Евгения Николаевича Носова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 66–78.

Рыбина Е. А., Сингх В. К., Покровская Л. В. Археологические исследования Людина конца в Новгороде (Троицкий раскоп) // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. Вып. 3 (96). С. 167–185.

Рыбина Е. А. Заметки об атрибуции новгородских находок // Археологические вести. 2020. Вып. 28. С. 173–181.

Тянина Е. А. Шаровидные деревянные навершия средневекового Новгорода // Исторические Исследования. Журнал Исторического факультета МГУ. 2015. № 3. С. 270–285.

Хвощинская Н. В. Об особенностях костюма населения восточноприбалтийского региона // Древности Северо-Запада России (славяно-финно-угорское взаимодействие, русские города Балтики). СПб.: Петербургское востоковедение, 1993. С. 157–166.

Хорошев А. С. Седло начала XIII в. из Новгорода (опыт реконструкции) // Новгород и Новгородская земля. История и археология: материалы науч. конф. Великий Новгород, 2004. Вып. 18. С. 175–188.

Янин В. Л. Я послал тебе бересту... М.: Изд-во Московского ун-та, 1965. 192 с.

Янин В. Л., Рыбина Е. А., Покровская Л. В., Сингх В. К., Степанов А. М., Тянина Е. А. Работы в Людином конце Великого Новгорода в 2014 г. (Троицкие раскопы: XIII-Г, Г1 и XV) // Новгород и Новгородская земля. История и археология: материалы науч. конф.; Новгородский музей-заповедник. Великий Новгород, 2015. Вып. 29. С. 51–65.